

Если бы меня попросили изложить идею книги в одной фразе, то она была бы такой: «История русских — это история успешного народа, проделавшего огромную цивилизационную работу на одной шестой части земной суши и создавшего свой мир».

Речь пойдет о русском мире, ведь русские имеют такое же святое право постигать свою историю, как и грузины, монголы и т. д. И пространство для постижения столь же огромно, как и тот простор, который сумел освоить русский народ. Сколько мы пересмотрели хороших и плохих фильмов об американском фронтире¹. А что снято о том, как русские покоряли пространство и создавали страну? В ответ тишина. Эта тема никогда не была особо в чести у популяризаторов исторических сведений. Выискивая информацию в Сети о каком-нибудь старинном русском городе, мы скорее узнаем о том, какой «борец с самодержавием» гонял там чай в ссылке, чем о тех, кто его строил, распахивал землю окрест его и отстаивал от врагов.

История покорения и освоения пространств, создавших самую большую страну в мире, — это, как ни парадоксально, молчащая история. Ну что ж, попробуем нарушить молчание.

¹ Зона освоения новых территорий. Понятие, введенное американским историком Тернером.

Два мира, две колонизации

Масштабная колонизация, проводившаяся в интересах русского народа российским государством, началась в середине XVI в.

Это столетие (часто расширяемое до «длинного XVI в.» — от середины XV до середины XVII в.) ознаменовалось резким глобальным переходом от «золотой осени» позднего Средневековья к агрессивному, едкому Новому времени.

Капитал выходит на мировую арену, вторгается в социумы, ведущие натуральное хозяйство, насилует и разрушает их, стирает словно ластиком народы, запоздавшие со своим развитием. На исчезновение обречены были десятки миллионов коренных американцев, причем и в самых развитых регионах Нового Света, где применялись сложные технологии интенсивного земледелия, такие как чинампы (искусственные острова).

В Европе это время наступления на крестьян, происходившего с конфискацией общинной и мелкой крестьянской земельной собственности. Священной собственностью становится только тогда, когда попадает в руки сильных. Сеньоры отнимают земли у крестьян, городские капиталисты скупают земли у сеньоров. Массы людей лишаются собственных средств производства и существования. Элиты решают на свой лад вопрос излишков сельского населения. Суды жгут ведьм, отправляют обезземеленных крестьян, ставших бродягами, на виселицу или в рабство на заморские плантации. Города наводняются голодным пролетариатом, вынужденным отдавать свой труд первому встречному нанимателю по любой (то есть минимальной) цене. У пролетария есть «большой выбор» между плахой, тюрьмой — работным домом и таким вот «вольным наймом».

«Свободный труд» является на самом деле рабством ограбленного труженика у коллективного капиталиста. Диктатура капитала действует с помощью антирабочего «Статута о рабочих», суперрепрессивных «Законов о бродягах», безжалостных актов о работных домах. Исследователи свидетельствуют о резком снижении со второй половины XVI в. уровня жизни в недавно еще заваленной окороками и колбасами Европе.

Даже там, где сохранилась власть сеньоров (панов, баронов), крестьяне начинают работать из-под палки на нужды мирового рынка — приходит «второе издание крепостничества» по Марксу, или «вторичное крепостничество» по терминологии Броделя. Панщина-барщина в Польше, Ливонии, Венгрии доходит до шести, потом до семи дней в неделю. Крестьянин уже не имеет времени трудиться на своем участке и получает пайку-месячину как лагерник. Пан, гонящий сырье ганзейским и голландским оптовикам, все более интересуется землями и крепостными на востоке, и польско-литовское панское содружество ведет свой «дранг нах остен», колонизацию русских земель. Проглатывает Галицко-Волинскую Русь, Полоцкую землю, Поднепровье, перепрыгивает через Днепр, крадется по Смоленско-Московской возвышенности к Можайску. Русский крестьянин должен обеспечить пану-сырьевiku поставки на бурно растущий европейский рынок.

Европейские религиозные войны, охота на «еретиков», «ведьм» и «бродяг» (по сути, на ограбленное простонародье) — все это маскирует наступление капитала и уносит миллионы жизней...

Гибель массы коренного населения в колониях была в значительной степени следствием разрушения там общественных сельскохозяйственных систем, что было типично для «дикой» фазы становления капитала...

Русские могли разделить судьбу американских индейцев. И только собственная колонизация новых земель, служилая и крестьянская, масштабно начатая в эпоху Ивана Грозного, спасла Россию от вторжения западного капитала. Сделала ее крупнейшей в мире по размерам и третьей по численности населения (до 1991), принесла ей относительно плодородные земли и месторождения полезных ископаемых, которых практически нет в историческом центре страны.

Как указывал М. Любавский, крупнейший исследователь русской колонизации, лишь 12 % ее площади стало результатом завоевания.

«В истории территориального образования России на переднем плане должен стоять народ-домостроитель... а не народ-завоева-

тель, не громкие победы и трактаты, а заимка земель и заселение их, возникновение сел и городов»¹.

С конца XV и до конца XVI в. территория Московской Руси выросла в четыре раза. Столь же быстрый рост продолжился в следующее столетие².

Взрывной территориальный рост России в XVI–XVII вв. объясняется не завоеванием других культур и цивилизаций, а распространением цивилизации и культуры на те регионы, где до этого царили дикость и пустота. Иногда это было возвращением цивилизации туда, где ее когда-то смели кочевые варвары.

Расширение российской земли было, по сути, реализацией народной потребности. После захвата кыпчаками Причерноморья и потери большей части земель к югу от Оки в XII–XIV вв. русским остались подзолистые суглинки и супеси холодного северо-востока и севера Восточно-Европейской равнины.

Короткий вегетационный период в этом регионе усугублялся низкой суммой накопленных температур. В середине XVI в. лето в Московском регионе начиналось в середине июня, а в конце сентября уже приходили первые морозы. Всего безморозных дней здесь было около 110, температуры выше 15 °C длились 59–67 дней. В Вологде теплых дней было 60, в Устюге — 48.

«Главной особенностью территории исторического ядра Российского государства с точки зрения аграрного развития является крайне ограниченный срок для полевых работ. Так называемый “беспашенный период” составляет около семи месяцев. На протяжении многих веков русский крестьянин имел для земледельческих работ (с учетом запрета работ по воскресным дням) примерно 130 дней. Из них же на сенокос уходило около 30 дней», — пишет академик Л. В. Милов. В Западной Европе из рабочего сезона выпадали лишь декабрь и январь. Даже в северной Германии, Англии, Нидерландах сельскохозяйственный период составлял 9–10 месяцев — благодаря Гольфстриму и атлантиче-

¹ Любавский М. К. Наступление на степь. М., 1918. С. 3, 4.

² Соколовский П. А. Экономический быт земледельческого населения России и колонизация юговосточных степей. СПб., 1878. С. 1.

ским циклонам. На возделывание сельскохозяйственных культур, на заготовку сена европейский крестьянин имел примерно в два раза больше времени, чем русский. Большая длительность сельскохозяйственного периода давала европейцам возможности для равномерной постоянной работы, лучшей обработки почвы и следовательно — для повышения урожайности.

Короткий сезон земледельческих работ определял урожаи на Руси в среднем сам-2, сам-3 по самой распространенной культуре — неприхотливой ржи. На одно посеянное зерно — 2–3 собранных; примерно в 3 раза меньше, чем в Англии того времени. Это означало очень небольшой прибавочный продукт, который шел, скорее, не на рынок, а на содержание воинов-защитников. Низкая товарность сельского хозяйства определяла и замедленное развитие городов.

Худое плодородие требовало, при росте населения, постоянного расширения пашни. Поднятие нови и залежи (давно заброшенных земель) в течение первых нескольких лет обеспечивало урожаи в 7 и более раз выше обычного, и это еще больше стимулировало крестьянство «растекаться» по огромной территории Северной Евразии. А государство обязано было защитить это «растекание».

Государство строило города, оборонительные черты и засечные полосы, ставило крепости, давало им снабжение, поддерживало глубокую станичную и сторожевую службу, гонялось за кочевыми ордами в степи, отбивало или выкупало у них ясырь (пленников).

Российское государство действовало на базе узких возможностей (а иногда и просто невозможностей), заданных неблагоприятными природно-климатическими и геополитическими факторами.

Нелегким был и торговый обмен в континентальной стране с протяженными транспортными путями, которые шли по мелководным замерзающим рекам, волокам, увязали в сезонной распутице. Среди русских рек не было ничего подобного Рейну — трансконтинентальному незамерзающему водному пути. Не было английской, голландской, скандинавской открытости морям — в Англии-то не существует ни одного пункта, удаленного от незамерзающих морских вод более чем на 70 миль.

Русь была изолирована от глобальных торговых коммуникаций, кочевники давно перерезали балтийско-черноморский и балтийско-каспийский пути.

Еще в наборе наших неудобств были большие суточные и сезонные перепады температуры, отсутствие богатых рудных и горючих месторождений, открытость территории для арктических ветров и азиатских суховеев, отсутствие естественных границ, защищающих от внешних вторжений, низкая плотность населения: в 5 раз меньше, чем в Польше, в 10 — чем во Франции.

А в условиях, когда основным средством передвижения являются человеческие ноги, одновременно с уменьшением плотности населения происходит и понижение интенсивности хозяйственного и социального взаимодействия людей.

Неудовлетворительной была естественная энергетика страны.

России почти не выпадало от величайшей природной энергоцентрали, именуемой Гольфстримом, чья мощность составляет 82 млн м³ теплой воды в секунду.

Не ее, а Европу овеял теплый океанический воздух, способствующий земледелию и скотоводству, уменьшающий стоимость строительства жилища и его отопления.

Не помогала русскому купцу сила морских течений и ветров, переносящая тяжело нагруженные суда по водам, которые никогда не сковывает лед.

Зато России была открыта бескрайняя и суровая ширь материка.

Не вольные ватаги осваивали Дикое поле, они лишь промышляли зверя и ловили рыбу, скрываясь в плавнях. Государство несло львиную долю забот об освоении степей, каждый год собирая и оплачивая до 65 тыс. человек, чтобы те несли пограничную службу.

Тысячи государевых служилых людей выезжали в степь, следили за кочевыми сакмами, сторожили переправы, ставили остроги.

Государство создавало на фронтире укрепления, валы, рвы, засеки, лило для него пушки, ставило стены, изготавливало оружие и орудия труда, присылало хлеб.

Учитывая немирные западные границы, при населении в 5–6 млн человек (в середине XVII в.) Россия должна была

иметь войско в 200 тыс. человек. На оборонные расходы уходило 60–70 % бюджета.

Россия фактически являлась форпостом Европы, защищая ее города и поля от степняка, но при этом регулярно получая удары и с Запада. Позволю себе цитату из С. М. Соловьева: «Наша многострадальная Москва, основанная в середине земли русской и собравшая землю, должна была защищать ее с двух сторон, с запада и востока, бороться от латинства и бесерменства, по старинному выражению, и должна была принимать беды с двух сторон: горела от татарина, горела от поляка. Таким образом, бедный, разбросанный на огромных пространствах народ должен был постоянно с невероятным трудом собирать свои силы, отдавать последнюю тяжело добытую копейку, чтоб избавиться от врагов, грозивших со всех сторон, чтоб сохранить главное благо — народную независимость; бедная средствами сельская земледельческая страна должна была постоянно содержать большое войско».

Огромные траты казны, усиление податного бремени и крестьянской зависимости в центре страны — такова была цена фронта. Государство крепло, но оставалась велика роль самоорганизации общества — на Россию, протянувшуюся уже в конце 1630-х гг. до Тихого океана, приходилась лишь сотня дьяков и одна тысяча подьячих, вот, собственно, и весь чиновничий аппарат.

Государевых служилых людей было немало, о чем свидетельствует численность войска, но их служба не была отделена от общественной и хозяйственной жизни. Они первыми заселяли степное и лесное пограничье. Пахали землю, защищали столько же государство, сколько и свои семьи, жили самоуправляющимися общинами. Из числа служилых людей выбирали на всесословном уездном съезде русских шерифов — губных старост. Варвары, проправившиеся через пограничные заслоны, первым делом убивали и уводили в полон их семьи...

Итак, колонизация была следствием русских природно-климатических и географических условий. Это была колонизация не поверхностная, не городская, а глубокая, сельская.